

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2020»

Москва, 17–20 июня 2020 г.

СЕМАНТИКА ОБРАТНО: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРЕВАННОЕ СОСТОЯНИЕ

Татевосов С. Г. (tatevosov@gmail.com)

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Киселева К. Л. (kisseleva@gmail.com)

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-708-723

SEMANTICS FOR *OB RATNO*: A RE-ENTRY INTO A DISCONTINUED STATE

Tatevosov S. G. (tatevosov@gmail.com)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Kisseleva X. L. (kisseleva@gmail.com)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

This paper explores the meaning and distribution of *obratno*, one of the Russian repetitive and restitutive morphemes. We identify three essential characteristics of *obratno*: obligatoriness of the restitutive reading, narrow scope with respect of indefinites, and incompatibility with eventuality descriptions that entail a result state in the sense of [Kratzer 2000]. We argue that like garden-variety repetitive and restitutive morphemes (e.g., Russian *opjat'*), *obratno* denotes a partial identity function with a presupposition. Unlike such morphemes, however, the presuppositional content of *obratno* involves a return to the same state in which an entity had been before. We capture this characteristic relying on [Landman's 2008] notion of cross-temporal identity of eventualities and the derivative notion of a cross-temporal substate. This makes the repetitive reading of *obratno* unavailable, forces identity of the holders of a state, deriving the narrow scope effect, and guarantees that *obratno* is only compatible with target state descriptions.

Keywords: event semantics, repetitive and restitutive morphemes, scope relations, state descriptions

1. Введение

Эти заметки посвящены репетитивно-реститутивным показателям (РРП), или, в другой терминологии, рефактивным морфемам ([Иванова 1993], [von Stechow 1996], [Пайар 1998], [Beck & Johnson 2004], [Bale 2007], [Beck 2005], [Стойнова 2012] и ряд других работ, [Alexiadou et al. 2014], [Lechner et al. 2015], [Pedersen 2015], [Бондаренко 2017] и многие другие), и одному из их частных воплощений в русском языке — слову *обратно*.

Классический пример РРП — английское *again* и его аналоги в других языках, в частности, русское *опять*. Вклад *again* и *опять* в интерпретацию — пресуппозиция, в соответствии с которой ситуация, удовлетворяющая событийной дескрипции, имела место в прошлом по отношению к утверждаемой ситуации:

$$(1) \quad || \text{опять} || = \lambda P_{\langle v, t \rangle}. \lambda e: \exists e' [e' <_t e \wedge P(e')]. P(e)^1$$

где v — логический тип событий, а « $<_t$ » — отношение временного предшествования.

При таком понимании предложение (2) ниже верно описывает действительность, если, во-первых, Волга замерзла (ассерция) и, во-вторых, до этого Волга была замерзшей хотя бы единожды (пресуппозиция).

(2) *Волга, было, тронулась. Но потом опять замерзла. Я ходил в Астрахани смотреть... Белая, широкая, льдины сверкают на солнце.* [Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)]²

Предложение (3) с наречием *обратно*, на первый взгляд, имеет аналогичные условия истинности: оно осмысленно, только если удовлетворяется пресуппозиция, согласно которой снег уже был замерзшим. Ассерция, как и в предыдущем случае, состоит в том, что снег замерз.

(3) *Фирн — это снег, который подтаял и замерз обратно, снова подтаял и снова замерз.* [www.alpinabook.ru]

¹ Следуя практике, сложившейся, в частности, в [Heim, Kratzer 1998], в пределах этой статьи мы понимаем пресуппозицию как условие, ограничивающее область определения функции. В (1) условие — это наличие в актуальном мире предшествующего события из экстенционала предиката P . (Пресуппозиция записывается через двоеточие после переменной e , пробегующей по событиям из области отправления функции.)

² Анонимный рецензент «Диалога» пишет: «Безупречны с реститутивным *обратно*, на наш взгляд, только примеры с предикатами, в семантике которых присутствует возврат объекта в исходную точку или к исходному обладателю». Суждения по поводу РРП, безусловно, подвержены значительному варьированию и часто не отличаются четкостью: носители склонны оценивать материал не в терминах «можно» и «нельзя», а в терминах «лучше» и «хуже». Где возможно, мы отражаем такой характер суждений, используя градуальные пометы типа «^{2/??}». Для выяснения более объективной картины необходимо полномасштабное экспериментальное исследование с извлечением достаточного для статистической оценки количества суждений. Читатель может самостоятельно решить, насколько его суждения совпадают с системой, изложенной далее.

Если исходить из внешнего параллелизма (2)–(3), возникает желание анализировать (3) в том же духе, что и (2), а различия между ними искать в тонких ограничениях на содержание пресуппозиции, как это обычно и делается для разных групп РПИ [Alexiadou et al. 2014].

Цель этой статьи — представить аргументы в пользу того, что пресуппозиционное содержание *обратно* имеет принципиально другой характер. *Обратно*, в отличие от *опять*, сигнализирует не о повторном наступлении ситуации 'замерзнуть', а о возвращении в уже существовавшее состояние 'быть замерзшим'.

В **разделе 2** мы обсудим три важнейшие семантические характеристики *обратно*. Это, во-первых, **невозможность для *обратно* иметь репетитивную интерпретацию**; во-вторых, **ограничения на сферу действия *обратно*** по отношению к неопределенным именным группам; в-третьих, **лексические ограничения** на дистрибуцию *обратно*, связанные с характером результирующего состояния.

В **разделе 3** мы обсудим и отклоним анализ *обратно* как аналога *опять* с более узкой сферой действия. В **разделе 4** будет предложен анализ, опирающийся на идею, что *обратно* нуждается не в повторении некоторого состояния, а возвращение в то состояние, которое имело место ранее и было прервано. В **разделе 5** суммируются основные результаты исследования³.

2. Реститутивность, сфера действия и результирующее состояние

Первое важное отличие *обратно* от *опять* состоит в диапазоне доступных для них интерпретаций. *Опять*, будучи РПИ, допускает два основных прочтения, характерных для многих единиц такого рода во множестве языков — репетитивное и реститутивное⁴. Характерный пример — интерпретация *опять* в комбинации с глаголами результата типа *открыть*:

- (4) Репетитивный контекст. [До прихода Али-Бабы Сезам был закрыт. Али-Баба открыл его. Затем пришли разбойники и закрыли Сезам. И тогда, недовольный этим, ...] ... Али-Баба *опять открыл Сезам*.
- (5) Реститутивный контекст. [Сезам был открыт от начала времен. Злой джинн, желающий навредить людям, закрыл Сезам. Но появился отважный Али-Баба, и ...] ... *он опять открыл Сезам*.

³ Мы полностью разделяем мысль анонимного рецензента «Диалога»: *обратно* «было бы хорошо рассмотреть не только в сравнении с *опять*, но и в сравнении с *назад*». Однако реализация этой идеи невозможна по соображениям объема в пределах одной статьи.

⁴ Согласно Н. М. Стойновой ([Стойнова 2012] и другие работы), помимо репетитивного и реститутивного значений, типологически засвидетельствовано и значительное количество других единиц, организованных в семантическую зону рефактива. В пределах этой статьи мы не имеем возможности обсуждать структуру и семантическое содержание значений из этой зоны. Мы надеемся, что сказанное ниже совместимо более чем с единственным представлением о ее устройстве. Ниже, однако, мы коснемся одного из выделяемых Н. М. Стойновой значений — редитивного.

Различие двух прочтений сводится к тому, что в первом случае повторяется ситуация целиком — и действия агенса, и результирующее состояние ‘быть открытым’, которое приобретает пациентс. Во втором случае повторяется только результирующее состояние.

При определении диапазона интерпретаций РПП, однако, требуется осторожность. Как показывают В. Лехнер и соавторы [Lechner et al. 2015], проблема состоит в том, что реститутивное прочтение в (5) — это логическое следствие репетитивного в (4). Это легко увидеть в (6a)–(6b), которые представляют собой неформальное толкование (4)–(5).

- (6) а. Повторно произошло следующее: Али-Баба совершил над дверью некоторые действия, результатом которых стало состояние ‘дверь открыта’
б. Али-Баба совершил над дверью некоторые действия, результатом которых стало повторное состояние ‘дверь открыта’

Если верно, что дважды произошла деятельность и наступило состояние ‘быть открытым’, как в (6a), верно и то, что дважды наступило состояние ‘быть открытым’, как в (6b). Обратное неверно. Так происходит в силу того, что истинность конъюнкции (‘произошло действие’ ∧ ‘наступило состояние’) влечет истинность любого из конъюнктов (в частности, ‘наступило состояние’), но не наоборот.

С асимметричным следованием репетитивного и реститутивного прочтений возникает следующее затруднение: невозможна ситуация, когда предложение с *опять* истинно в репетитивном прочтении и ложно в реститутивном. Это означает, что если *опять* выражает только более слабое реститутивное значение, оно заведомо может употребляться и в более сильном репетитивном контексте. Точно так же любой объект, описываемый как *холостяк*, описывается и как *мужчина*. Но даже малоопытные лингвисты не склонны думать, что слово *мужчина*, кроме значения ‘мужчина’, выражает еще и значение ‘холостяк’.

Таким образом, примеры типа (5) несомненно показывают реальность реститутивного прочтения у *опять*. Однако примеры типа (4) не показывают, что у *опять* есть репетитивное значение, отличное от реститутивного.

Чтобы снять эту проблему, необходимо создать конфигурацию, разрушающую асимметричное следование. В. Лехнер [Lechner et al. 2015] предлагает для этого конструкции с немонотонными кванторами типа ‘ровно n NP’:

- (7) [Студенты А, В и С занимаются в библиотеке. Они хотят, чтобы окно было открыто, а библиотекарь не любит сквозняки. Студент А открывает окно, но библиотекарь закрывает его. Затем то же самое происходит со студентами В и С. Наконец, А открывает окно еще раз.]
Ровно один студент опять открыл окно.

При репетитивном прочтении предложение истинно: имеется ровно один студент, который открыл окно два раза. Это студент А. При реститутивном прочтении, однако, предложение ложно. Окно повторно входило в состояние ‘быть открытым’ трижды, и имеется ровно три студента, которые своими действиями способствовали этому. Это (в хронологической последовательности) студенты В, С и А.

Таким образом, в этой конфигурации асимметричного следования нет, и если предложение в заданном контексте расценивается как правильно описывающее то, что произошло, мы имеем свидетельство реальности репетитивного значения, отдельного от реститутивного. По всей видимости, для *опять* это действительно так: по оценке носителей, (7) в описанной ситуации истинно.

Опять, таким образом, имеет и репетитивное и реститутивное прочтение.

В этом месте обнаруживается первое различие *опять* и *обратно*: у последнего репетитивного значения нет.

- (8) [Студенты А, В и С занимаются в библиотеке. Они хотят, чтобы окно было открыто, а библиотекарь не любит сквозняки. Студент А открывает окно, но библиотекарь закрывает его. Затем то же самое происходит со студентами В и С. Наконец, А открывает окно еще раз.]

**Ровно один студент открыл окно обратно.*

В том же контексте, что и (7), предложение с *обратно* оценивается как ложное. Студентов, которые открыли окно обратно, в этой ситуации имеется три. Таким образом, *опять* имеет и репетитивное и реститутивное прочтение, *обратно* — только реститутивное⁵.

Второе свойство, разводящее *опять* и *обратно*, — их сфера действия по отношению к неопределенным именованным группам. Рассмотрим следующий сценарий:

- (9) Володя находится в комнате с двумя закрытыми окнами. В комнате слишком жарко, и Володя открывает окно. Это не помогает: по-прежнему слишком жарко, и тогда Володя открывает второе окно.

В момент открытия второго окна сторонний наблюдатель может описать происходящее как (10):

- (10) *Володя опять открыл окно.*

Предложение (11) в той ситуации, которая описана в (9), по-видимому, невозможно:

- (11) **Володя открыл окно обратно.*

В рассматриваемом контексте *опять* имеет широкую сферу действия по отношению к именно группе *окно*:

⁵ Дополнительный аргумент в пользу обязательности реститутивного прочтения *обратно* — предикаты, описывающие смену обладателя, типа *отдать обратно*. Предикат *отдать книгу Феликсу* описывает действие агенса, каузирующее состояние 'книга у Феликса'. Предпочтительная интерпретация *обратно* в комбинации с такими глаголами — именно реститутивная: *отдал книгу обратно* означает 'совершил действие, в результате которой книга еще раз оказалась у Феликса', но не 'еще раз совершил действие, в результате которого книга оказалась у Феликса'. Последняя, репетитивная интерпретация реализуется с *опять*; см. обсуждение в [Бондаренко 2017]. Сделать это уточнение нас побудил комментарий анонимного рецензента «Диалога».

(12) РРП > Э

- а. опять [лe. Эх [окно(х) ∧ открыл(х)(Володя)(е)]]
- б. Еще раз произошло событие такое, что в этом событии имеется окно, которое открыл Володя.

Если *опять* имеет узкую сферу действия по отношению к именной группе *окно*, то утверждается, что имеется такое окно, которое подверглось открытию дважды:

(13) Э > РРП

- а. Эх [окно(х) ∧ опять [лe. открыл(х)(Володя)(е)]]
- б. Имеется окно такое, что еще раз произошло событие, в котором Володя его открыл.

Прочтение (13) допускается и с *опять* и с *обратно*:

(14) [В комнате с единственным окном было жарко, и Володя открыл его.

Однако из-за сквозняка окно закрылось, и тогда...]

- а. *Володя опять открыл окно.*
- б. *Володя открыл окно обратно.*

Дополнительное подтверждение этим наблюдениям дают глаголы созидания. Поскольку один и тот же объект, как правило, нельзя создать дважды, интерпретация с широкой сферой действия неопределенной именной группы исключается. Ожидаемым образом *обратно*, но не *опять* с большинством глаголов созидания оказывается семантически аномальным.

(15) *Надя сварила суп, но Володя нечаянно опрокинул на пол кастрюлю, и тогда...*

- а. ... *??/*Надя сварила суп обратно.*
- б. ... *Надя опять сварила суп.*

Отдельную группу среди глаголов созидания образуют единицы типа *собрать*, *сложить*, *склеить*, описывающие процесс соединения частей в качественно новое целое⁶. В той степени, в которой это целое можно разять на исходные части, а части затем еще раз соединить, такие глаголы ожидаемо допускают сценарии с повторным созиданием, а *обратно* в этом случае получает существенно более высокие оценки приемлемости, чем в (15а).

(16) *Володя собрал модель броневика, но Феликс уронил его на пол, и модель рассыпалась. И тогда...*

- а. ... *?/OK Володя собрал модель обратно.*

Таким образом, если *опять* допускает любую сферу действия по отношению к неопределенной именной группе, *обратно* имеет исключительно узкую сферу.

⁶ Мы признательны анонимному рецензенту «Диалога», обратившему наше внимание на примеры типа (16).

Мы предполагаем, что обсуждаемые Н. М. Стойновой [Стойнова 2012b: 81] примеры, которые воспроизводятся в (16)–(17), — реализация этой же закономерности.

(17) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, снова уехала.

- а. ОК 'в Вятку' б. ОК 'не в Вятку'

(18) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, уехала обратно.

- а. ОК 'в Вятку' б. *'не в Вятку'

Глаголы движения имеют валентности на актанты, обозначающие исходную и конечную точку перемещения, или пути. Синтаксическая реализация этих актантов необязательна, и в отсутствие выраженных предложных групп они получают экзистенциальную интерпретацию ('имеется такая исходная / конечная точка, что ...'). Глагол *уехать*, в частности, обозначает в первом приближении перемещение из дейктического центра в локализацию, находящуюся за его пределами. Предложение типа *Наташа уехала* содержит предикат в (19a), неформально описанный в (19b):

- (19) а. || Наташа уехала ||^g = || Наташа уехала из *pro*₅ в DP ||^g = λe. ∃l [move(Наташа)(e) ∧ source(g(5))(e) ∧ CAUSE(s)(e) ∧ BE(Наташа)(l)(s) ∧ l ≠ g(5)]
 б. Множество событий, в которых происходит перемещение Наташи из дейктического центра и в результате которых она приобретает состояние 'находиться в некоторой локализации, отличной от дейктического центра'.

Если синтаксически нереализованная локализация (в (19a) такой материал показан более бледным шрифтом) интерпретируется экзистенциально, это открывает ровно те же две возможности, что и в обсуждавшемся выше случае с неопределенным дополнением. Квантор существования может иметь широкую сферу действия по отношению к РПИ, либо наоборот. В (19a) именно такую интерпретацию имеет конечная точка, в которой оказывается агенс в результате перемещения; ей соответствует переменная *l*, связанная квантором существования.

В (20a) показан только стативный компонент семантического представления 'уехать', поскольку при реститутивном прочтении РПИ взаимодействует именно с ним:

- (20) РПИ > ∃
 а. ... опять [λs. ∃l [... BE(Наташа)(l)(s) ∧ l ≠ g(5) ...]
 б. Повторно возникло состояние такое, что Наташа находится в локализации, отличной от дейктического центра.

При таком взаиморасположении РПИ и квантора, естественно, не требуется, чтобы локализации были идентичны — в точности как в (12) с открываемым окном. Этой возможности соответствует случай 'не в Вятку' в (17b) и (18b).

- (21) ∃ > РПИ
 а. ∃l ... l ≠ g(5) ... опять [λs. [... BE(Наташа)(l)(s) ...]
 б. Имеется такая локализация, отличная от дейктического центра, в которой Наташа оказалась повторно.

При широкой сфере действия квантора в (21) агенс повторно оказывается в той же самой локализации, что и в первый раз. Это прочтение, которое соответствует (17а) и (18а).

Очевидно, что (17)–(18) образуют тот же самый паттерн, что и (9)–(14), и их анализ сводится к соотношению сферы действия РРП и квантора существования. Опять совместимо с любой сферой действия, *обратно* нуждается в широкой сфере действия квантора⁷.

Наконец, последнее свойство *обратно*, которое не воспроизводится у *опять* — наличие значительного количества лексических ограничений. Вот один пример:

(22) а. Володя накачал лодку *обратно*.

б. ^{??}/*Эндрю доказал теорему Ферма *обратно*.

(23) а. Володя *опять* накачал лодку.

б. Эндрю *опять* доказал теорему Ферма.

Опять, по всей видимости, имеет минимальные лексические ограничения, если вообще имеет. В (22)–(23), чтобы избежать возмущающего фактора, связанного со сферой действия неопределенных именных групп, в качестве прямого дополнения используется определенная дескрипция *теорема Ферма*. Предположим сценарий в (24):

(24) В 1993 году Эндрю предложил доказательство теоремы Ферма, безоговорочно принятое научным сообществом. Однако в 1994 году в доказательстве обнаружилась не замеченная сразу критическая ошибка. Эндрю переработал доказательство, и в 1995 году опубликовал окончательный вариант.

При таком сценарии (23б) вполне пригодно для описания того, что произошло в 1995 году. (22б), однако, выглядит аномальным.

Кажется правдоподобным, что в этих и аналогичных примерах задействуется противопоставление, описанное А. Кратцер [Kratzer 2000] как противопоставление целевых (target states) и результирующих состояний (result states). Целевое состояние — элемент лексического значения глагола; оно составляет неотъемлемую часть дескрипции ситуации, или, что то же самое, толкования глагола. Целевые состояния могут характеризоваться большей или меньшей временной стабильностью; в общем случае целевые состояния могут прекращаться. Результирующие состояния не являются элементом лексического представления. Результирующее состояние имеет место просто в силу осуществления предшествующего действия или процесса и как таковое наступает навечно. Это новое состояние мироздания, которое имеет место после осуществления любой ситуации. Соответственно, применительно к любому

⁷ Для Н. М. Стойновой примеры (17)–(18) создают ключевое эмпирическое свидетельство реальности редитивного значения ‘возвратиться в исходную точку’, отличного от реститутивного. Как представляется, предложенные выше рассуждения делают этот материал полностью совместимым с анализом в реститутивных терминах.

глаголу можно говорить о результирующем состоянии. У некоторых глаголов имеется также целевое состояние.

Целевые состояния соответствуют стативному компоненту сложных событийных дескрипций класса свершений. В событийно-семантических представлениях им соответствует стативная переменная ($\lambda s.\lambda e....$). Результирующие состояния А. Кратцер анализирует как временные объекты: это интервал, который начинается немедленно по завершении описываемой ситуации; ему соответствует временная, а не событийная переменная ($\lambda t.\exists e.... t(e) <_t t \dots$).

Важное свойство, разводящее дескрипции с целевым и с результирующим состоянием,— совместимость первых, но не вторых с обстоятельствами типа 'еще':

(25) *Лодка еще надута*

(26) *#Володя еще мертв* (приемлемо при определенном устройстве мира, отличном от нашего)

(27) *??Теорема еще доказана* (аномально при любом устройстве мира)

Примеры такого рода показывают, что допустимость *еще* коварирует с допустимостью *обратно*. Дополнительный пример такого же рода — предикаты с глаголом *написать*, которые в зависимости от типа прямого дополнения проявляют свойства дескрипций или с результирующим, или с целевым состоянием (что коррелирует, как справедливо заметил рецензент «Диалога», с различиями в интерпретации самого глагола: 'сочинить, зафиксировав графически' и 'нанести на поверхность надпись того или иного содержания'):

(28) [В тот момент, когда Володя закончил писать «Материализм и эмпириокритицизм», огонь уничтожил дом вместе с рукописью, но за два месяца ...]

*???*Володя написал эту книгу обратно.

(29) [На заборе был написан антиправительственный лозунг. Дворник смыл его, но на следующий день ...]

Володя написал этот лозунг обратно.

Ограничения на *обратно* в (28)–(29) коррелируют с дистрибуцией *еще*, как и ожидается.

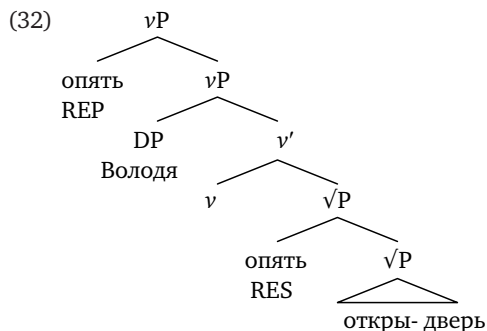
(30) *???*Роман еще написан.

(31) *Лозунг еще написан (на заборе).*

Таким образом, возможность употребления *обратно* зависит от характера стативного компонента описания ситуации: состояние должно быть целевым, но не результирующим в кратцеровском смысле. *Опять* не подвержено этому ограничению.

3. *Обратно как опять с узкой сферой действия*

Напрашивающийся, но эмпирически неадекватный вариант анализа *обратно* — рассматривать его как вариант *опять* с более узкой сферой действия. Классические работы А. фон Штехова [von Stechow 1996], [Rapp, von Stechow 1999] и практически вся последующая литература выводят репетитивно-реститутивную полисемию *опять*, опираясь на структурные соображения. *Опять* может присоединяться более чем в одной синтаксической позиции. При низком присоединении в его сферу действия попадает только результирующее состояние. При высоком — вся событийная дескрипция. Вариант анализа в этом духе показан в (32):

В такой системе можно было бы предположить, что для *обратно* доступна лишь одна из этих двух возможностей — «низкая».

Такой анализ объясняет один из трех фактов, описанных выше — то, что для *обратно* доступно только реститутивное прочтение, как в (8). Однако для двух других фактов — узкой сферы действия по отношению к неопределенным именованным группам и ограничений, связанных с характером результирующего состояния, — объяснение не выстраивается.

РПП при реститутивном прочтении в общем случае не требуют узкой сферы действия по отношению к неопределенным именованным группам. Это можно увидеть на примере *опять*: достаточно создать контекст, форсирующий одновременно реститутивную интерпретацию и широкую сферу действия *опять* по отношению к неопределенной именной группе:

- (33) Володя входит в комнату с двумя окнами — открытым окном №1 и закрытым окном №2. Через некоторое время порыв ветра закрывает окно №1. И тогда Володя открывает окно №2.

В таком контексте открытие окна №2 можно описать как *Володя опять открыл окно* — ‘Володя сделал так, чтобы в комнате еще раз было открытое окно’. Это означает, что в общем случае низкое присоединение РПП не влечет за собой низкую сферу действия по отношению к квантору существования. Однако эта возможность недоступна *обратно*: в описываемой в (33) ситуации предложение *Володя открыл окно обратно* ложно. Следовательно, одно только низкое присоединение не объясняет обязательность узкой сферы действия *обратно*; необходимы какие-то дополнительные допущения, но не очень ясно, какие именно.

Схожая проблема возникает и при объяснении ограничений на характер состояния. *Опять* в реститутивном прочтении совместимо не только с целевыми, но и результирующими состояниями. Рассмотрим следующий контекст:

- (34) [Эндрю доказал теорему Ферма и вскоре умер. Затем Раджеш опубликовал статью, в которой показал, что в рассуждения Эндрю вкралась ошибка. Прошел еще год, и] Володя опять доказал теорему Ферма.

В (34) *опять* имеет реститутивное прочтение: два раза наступает только состояние 'быть доказанным'. Деятельность Володи по построению доказательства находится вне сферы действия *опять*, поскольку происходит только один раз; в предыдущий раз это была деятельность Эндрю.

Таким образом, если принять анализ, согласно которому *обратно* — это *опять*, ограниченное реститутивным прочтением, семантическая аномальность примеров типа (9)–(11) остается без объяснения.

Дополнительное сомнение по поводу этого анализа возникает, как только мы обращаем внимание на аномальность *обратно* в комбинации с дескрипциями производных состояний, таких, как (35):

- (35) ^{??}Володя болен обратно.

Вероятно, предложения типа (35) возможны в некоторых диалектных вариантах русского языка — таких, где возможны, например, и предложения типа (36):

- (36) ^{??}Обратно он глупости говорит.

В таких диалектах, по-видимому, *обратно* эволюционирует в полноценный аналог *опять*. В литературном русском, однако, предложения (35) и (36) аномальны, хотя, по-видимому, в несколько разной степени для разных носителей.

Однако если *обратно* присоединяется к дескрипции стативного компонента сложной событийной структуры, как в (32), и более того, *только* к стативному компоненту, становится решительно непонятно, что предотвращает его присоединение к дескрипции производного состояния в (35).

Таким образом, анализ, предполагающий, что *обратно* — это как бы ополовиненное *опять*, не предсказывает наблюдаемые факты и нуждается в серьезной модификации. В следующем разделе мы предложим альтернативу, которая, как мы надеемся, окажется более работоспособной.

4. Семантика *обратно*

Мы исходим из предположения, что *обратно*, как и *опять*, — тождественное отображение с пресуппозицией. Это функция, аргументом которой выступает отношение между индивидами и событиями. Если пресуппозиция удовлетворяется, значением выступает это же отношение; в противном случае значение не определено.

- (37) || обратно || = $\lambda R_{\langle v, \langle vt \rangle \rangle} \cdot \lambda s. \lambda e: \dots \cdot R(s)(e)$

Однако этим исчерпывается сходство *обратно* и *опять*. Мы предполагаем, что основной компонент семантики — пресуппозициональное содержание — у *обратно* устроено принципиально иначе, чем у *опять*. Пресуппозиция *обратно* — не наступление еще одного состояния, удовлетворяющего нужной дескрипции, а возвращение в то же самое состояние, которое уже имело место ранее и было прервано.

Семантика *обратно* выписана в (38):

$$(38) \quad || \text{обратно} || = \lambda R_{\langle v, \langle v, t \rangle \rangle} . \lambda s . \lambda e : \exists s' \exists s_0 [s' \prec_T s \wedge \neg s' \infty_T s \wedge s' \leq_s s_0 \wedge s \leq_s s_0 \wedge Q_C(s_0)]. R(s)(e)$$

где « \prec_T » — отношение временного предшествования,

« ∞_T » — отношение временного примыкания и

« \leq_s » — отношение межвременного подстояния

Согласно (38), *обратно* применяется к отношению между событиями и состояниями R логического типа $\langle v, \langle v, t \rangle \rangle$, и если пресуппозиция удовлетворяется, возвращает это же отношение. Пресуппозиция требует, чтобы для любого стативного элемента s отношения R нашлось состояние s' такое, что, во-первых, s' предшествует s и не примыкает к нему во времени, а во-вторых, s' и s оба выступают (межвременными) подстояниями некоторого состояния s_0 . Наконец, s_0 должно удовлетворять контекстно-зависимой дескрипции Q_C . Иными словами, s — продолжение состояния s_0 , другая часть которого, s' , уже имела место в прошлом; s_0 — состояние с временным разрывом.

(39) Отношение межвременного подстояния

Состояние s — это межвременное подстояние состояния s' , $s \leq_s s'$, ровно в том случае, когда s — это мереологическая часть s' и $s \sim s'$ характеризуются межвременной идентичностью.

Понятие межвременной идентичности событий или состояний вводится, хотя и по другому поводу, в работах Ф. Ландмана [Landman 2008], [Landman, Rothstein 2010]. Это понятие отражает интуицию, согласно которой во многих случаях мы готовы воспринимать некоторые положения дел как одну и ту же ситуацию. Межвременная идентичность позволяет нам, в частности, рассматривать замерзшую воду вчера утром и вчера вечером как находящуюся в одном и том же состоянии. В общем случае вопрос о межвременной идентичности возникает, когда есть эмпирическая потребность рассматривать положения дел, имеющие место на разных временных интервалах, как одну и ту же сущность.

Межвременная идентичность — теоретический примитив, содержание которого далее ограничивается семантическими аксиомами. Не имея возможности входить в подробности, мы отсылаем читателя к первоисточнику [Landman 2008] и ограничимся лишь одним семантическим постулатом, важным для содержания (38):

(40) Свойство замкнутости для стативных глаголов

$$\text{If } s_1 \in || \alpha || \text{ and } s_1 \sim s_2 \text{ then } s_2 \in || \alpha ||$$

где α — стативный глагол, $|| \alpha || \subseteq \text{STATE}$ — его интерпретация,

« \sim » — отношение межвременной идентичности.

В соответствии с (40), если, например, s — это состояние 'быть замерзшим', то любое состояние, характеризующееся временной идентичностью s — это также состояние 'быть замерзшим'. Для *обратно* в (38) это свойство гарантирует, что состояния s_0 и s' в пресуппозициональной части будут удовлетворять тому же предикату, что и состояние s в ассертивной части. Это определяет дескриптивные свойства s_0 и s' через целевое состояние s исходного глагола.

Итак, *обратно* эксплуатирует идею межвременной идентичности и именно этим отличается от *опять*. *Опять* допускает, чтобы при повторной реализации имело место другое состояние, пусть даже описываемое так же, как состояние в первой реализации. *Обратно* вводит более сильное требование: чтобы наступило продолжение того же самого состояния, которое уже имело место. *Обратно* дает нам одно и то же состояние, наблюдаемое в разное время, *опять* — два разных состояния, которые, однако, имеют абсолютно одинаковое описание.

С эпистемологической точки зрения непросто развести случаи, когда мы дважды наблюдаем один и тот же объект и когда мы имеем дело с разными объектами, которые только выглядят одинаково. Однако удачным образом именно из этого различия следуют те факты, которые отличают *опять* от *обратно* и не объясняются при анализе *обратно* как реститутивного *опять*.

Первый факт — узкая сфера действия по отношению к неопределенным именным группам, когда требуется, чтобы в повторной реализации состояния участвовал тот же самый объект, что и при первичной реализации. Это ограничение следует из (38) самым непосредственным образом. У одной и той же ситуации не могут разные участники с одной семантической ролью. Этот принцип известен в событийной семантике как принцип уникальности участников.

(41) Уникальность участников

$$\forall R \forall e \forall x \forall y [R(x)(e) \wedge R(y)(e) \rightarrow x = y]$$

Поэтому если повторная реализация состояния — это реализация того же самого состояния, в нем по необходимости задействуется тот же самый участник. Благодаря (41) одно и то же состояние не может иметь двух разных носителей. Так возникает эффект широкой сферы действия.

Второй факт — ограничения, связанные с противопоставлением кратцевских целевых и результирующих состояний. По этому поводу выстраивается следующее рассуждение.

Обратно требует, чтобы одно и то же состояние было прервано и возобновлено. Чтобы выполнить это требование, состояние в принципе должно быть прерываемым и возобновляемым. Таковы целевые, но не результирующие состояния. Последние, как мы видели, неотменимо наступают в момент завершения описываемой ситуации. Невозможность прийти *обратно* в результирующее состояние, которую мы наблюдаем в (22b) и (28), следует из этого.

Иное дело *опять*, которое нуждается в двух разных состояниях, удовлетворяющих одинаковой дескрипции. Два разных состояния могут располагаться друг по отношению к другу во времени как угодно. Они могут примыкать, но могут быть и разделены «пустым» интервалом, и это не зависит от того, является ли состояние целевым или результирующим. Поэтому для *опять* безразличен характер состояния.

В обоих случаях единичность состояния мы видим по косвенным признакам: через единичность участников и невозможность прерывания, если состояние результирующее. Это дает нам самые важные свидетельства в пользу анализа в духе (38).

Отметим роль контекстно-доступной дескрипции Q_c в этом описании. Смысл ее в том, что прерываемое и возобновляемое состояние должно определяться не только как целевое состояние глагола, с которым соединяется *опять*, но и обладать собственными положительными дескриптивными свойствами. Мы предполагаем, что именно это ограничение отвечает за невозможность или сомнительность (по меньшей мере в нулевом контексте) предложений типа (42a)–(42b):

(42) а. ^{??}*Володя нагулялся обратно.*

б. ^{??}*Володя выпался обратно.*

Если префиксально-суффиксальные глаголы типа (42a)–(42b) описывают целевые состояния, то это такие состояния, для которой в русском языке нет языковой дескрипции, отличной от той, которую дают сами эти глаголы. Состояния «нагулятости» или «выпатости» никак иначе не называются. Удовлетворить требование, согласно которому у прерываемого состояния должна быть независимая дескрипция, становится невозможно.

Мы ожидаем, соответственно, что чем более в текущем контексте доступна дескрипция прерываемого и возобновляемого состояния, тем более уместно *обратно*. По нашему предположению, именно с этим связана асимметрия, которой интересуется анонимный рецензент «Диалога»: почему *заснул обратно* дается с меньшим усилием, чем *проснулся обратно*. Заснуть — это войти в состояние сна, и дескрипция этого состояния содержится в самом глаголе. Но проснуться — это не войти в состояние бодрствования, а выйти из состояния сна; глагол дает результирующему состоянию не положительную дескрипцию, а отрицательную. Однако минимальной контекстной поддержки достаточно в этом случае для идентификации интересующего нас состояния, и *проснулся обратно* становится приемлемым. На это, в частности, указывают примеры типа (43), которые не выглядят ни аномальными, ни даже искусственными.

(43) а. *Змеенок тоже задумался, и даже почти заснул от своей задумчивости, но начал совсем коченеть — и проснулся обратно.* [kulichki.net]

б. *Я попил с ними немного, чтобы хоть чуть-чуть захотеть спать, но всё равно часа через полтора проснулся обратно и глядел на дорогу.*

[М. Уткин. Особенности национальной командировки (2017)]

В завершение отметим два технических аспекта (38). Аргумент *обратно* — отношение между событиями и состояниями. Это, в частности, исключает присоединение *обратно* к дескрипциям производных состояний и объясняет невозможность предложений типа (35) выше. Во-вторых, пресуппозиция *обратно* вводит условие только на содержание стативного компонента сложной событийной дескрипции. Это делает невозможным появление у предложений с *обратно* репетитивной интерпретации.

Мы предсказываем, таким образом, что помимо перечисленных выше, *обратно* не имеет принципиальных ограничений на сочетаемость с глаголами. И *согреться обратно*, и *повеселеть обратно*, и *поумнеть обратно* и множество других сочетаний, вызывающих сомнения у анонимного рецензента «Диалога», засвидетельствованы в текстах на русском языке.

(44) *Запустили кондей — ништяк, пошел холод, но через 15 секунд воздух согрелся обратно.* [vwts.ru]

(45) *Младший немного погрустнел, ведь людям снова будет плохо. Впрочем, вспомнив какой сладкий вкус у человеческого горя, быстро повеселел обратно.* [vk.com/@aka_gst_gr-letuny]

(46) *От дурачков умный ушел уже дурачком. Он вернулся к умным, и вскоре поумнел обратно.* [proza.ru]

5. Заключение

Основной результат этого исследования — анализ наречия *обратно* как семантического элемента, описывающего возвращение участника ситуации в имевшее место состояние, прерванное до наступления события, составляющего ассертивный компонент предложения с *обратно*. Такой анализ позволяет объяснить комбинацию трех свойств *обратно*: реститутивное прочтение, узкую сферу действия по отношению к неопределенным именным группам и ограничения на сочетаемость с предикатами, в семантику которых входит указание на кратцеровское результирующее состояние.

Важнейшее отличие *обратно* от более изученных репетитивно-реститутивных морфем — требование, чтобы повторная ситуация представляла собой то же самое состояние, что и первичная ситуация, наличие которой составляет пресуппозициональное содержание *обратно*. Это требование формулируется с опорой на понятие межвременной идентичности ситуаций и производного от него отношения межвременного подсостояния.

Литература

1. Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Lechner W. (2014), Variation In Repetitive Morphemes: Some Implications For The Clausal Architecture, Paper presented at the Workshop on the State of the Art in Comparative Syntax, University of York, September 25, 2014.
2. Bale A. C. (2007), Quantifiers and verb phrases: An exploration of propositional complexity, *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 25, pp. 447–483.
3. Beck S. (2005), There and back again: A semantic analysis, *Journal of Semantics*, Vol. 22, № 1, pp. 3–51.
4. Beck S., Johnson K. (2004), Double objects again, *Linguistic Inquiry*, Vol. 35, № 1, pp. 97–124.

5. *Bondarenko, T.* (2017), Repetitives in dative argument constructions [Repetitivny v konstruktsijax s dativnymi argumentami]. MA thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
6. *Heim I., Kratzer A.* (1998), *Semantics in Generative Grammar*, Blackwell, Oxford.
7. *Ivanova S. A.* (1993), *Semantics of repetition in Russian: evidence from adverbial and verbal synonyms* [Semantika povtornosti v russkom jazyke: na materiale narechnykh i glagolnykh sinonimicheskikh rjadov], MA thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
8. *Kratzer A.* (2000), Building statives, *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*, ed. by L. J. Conathan, J. Good, D. Kavitskaya, A. B. Wulf and A. C. L. Yu, Berkeley Linguistic Society, Berkeley, pp. 385–399.
9. *Landman F.* (2008), 1066. On the differences between the tense-perspective-aspect systems of English and Dutch, *Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect*, ed. by S. Rothstein, Benjamins, Amsterdam, pp. 107–166.
10. *Landman F., Rothstein S.* (2010), Incremental homogeneity in the semantics of aspectual for-phrases, *Syntax, Lexical Semantics and Event Structure*, ed. by M. Rapaport Hovav, I. Sichel and E. Doron, John Benjamins, Amsterdam, pp. 229–251.
11. *Lechner W., Spathas G., Alexiadou A., Anagnostopoulou E.* (2015), On Deriving The Typology Of Repetition And Restitution, Paper presented at the 38th Generative Linguistics in the Old World colloquium, Paris, April 5, 2015.
12. *Paillard D.* (1998), *Opjat* ('again'), or there was a precedent [*Opjat*, ili pretsedent byl], *Discourse markers in Russian* [Diskursivnyje slova russkodo jazyka], ed. by D. Paillard and X. Kisseleva, Metatext, Moscow, pp. 115–121.
13. *Pedersen W.* (2015), A scalar analysis of again-ambiguities, *Journal of Semantics*, Vol. 32, pp. 373–424.
14. *Rapp I., von Stechow A.* (1999), Fast 'almost' and the visibility parameter for functional adverbs, *Journal of Semantics*, Vol. 16, pp. 149–204.
15. *Stojnova N. M.* (2012a), A typology of verbal markers of the refractive: Patterns of polysemy and the structure of the semantic domain [Tipologiya glagolnyh pokazatelej refaktiva: modeli polisemii i struktura semanticheskoy zony], Ph.D. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
16. *Stojnova N. M.* (2012b), Refractive: a typological study [Refaktiv: tipologicheskie dannye], *Topics in Linguistics* [Voprosy Jazykoznanija], № 2, pp. 61–92.
17. *von Stechow A.* (1996), The different readings of 'wieder' ('again'): A structural account, *Journal of Semantics*, Vol. 13, pp. 87–138.